

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
о диссертации Ли Вэньжуй «Внешность человека в русской
паремиологической картине мира: лингвокультурологический аспект
(на фоне китайского языка)», представленной на соискание ученой
степени кандидата филологических наук по специальности
10.02.01 – русский язык

Диссертация Ли Вэньжуй написана в русле сопоставительной лингвокультурологии и в этом смысле оказывается в потоке многочисленных исследований, призванных изучить отдельный фрагмент языковой картины мира одного народа на фоне другого или других. Если этих работ так много, нужна ли эта диссертация? Ответ положительный.

Актуальность избранной темы обусловливается ее практикоориентированной сущностью. Нынешние геополитические интересы России и Китая побуждают оба государства к углублению и упрочению двусторонних контактов в самых разных областях, а это, в свою очередь, требует досконального взаимного знания китайцами и русскими лингвокультуры страны-партнера. Именно оно во многом обеспечивает успешность межкультурной коммуникации, а следовательно, и эффективное сотрудничество.

Даже простое обращение к фондам электронной библиотеки elibrary.ru позволяет обнаружить около сотни исследований, которые написаны за последние 15 лет и сосредоточивают внимание на сопоставлении упомянутых языков и вдобавок – свыше 50 таких, которые касаются именно сопоставления русской и китайской языковых картин мира на паремиологическом материале. Здесь и работы, ставящие в центр внимания отдельный концепт (время, зима, семья, женщина, дети, здоровье, язык, лень, дружба, счастье, горе, беда, деньги), и изыскания, посвященные лексике паремий (имена даосских божеств, анимализмы, соматизмы, слова, обозначающие отдельные действия, например, *есть*), есть и другие ракурсы (например, отражение гендерного фактора в пословицах, описание речевого поведения субъекта и т.д.). Однако, как справедливо отмечает диссертант, ни одна из этих работ не сосредоточивает специального внимания на паремиологических представлениях о внешности человека. Между тем представляется важным знать социокультурные ожидания, заложенные в подсознании инонационального партнера по общению. От первого впечатления о собеседнике часто в значительной мере зависит успех или неудача всего контакта (вспомним: *По одежке встречают...*). Поэтому выявление эталонов и стереотипов в оценке внешности и представление их в специальном двуязычном лингвокультурологическом словаре может дать важные подсказки коммуникантам. Таким образом, выбор темы диссертантом заслуживает одобрения.

Цель, поставленная Ли Вэньжуй, – «лингвокультурологическое исследование русских пословиц, репрезентирующих представления о

внешности человека на фоне китайского языка, для выявления национальной специфики изучаемого фрагмента русской языковой картины мира» (с. 8 дис.). Именно на этом сосредоточены исследовательские усилия и именно это надо ставить во главу угла при оценке всей работы. Поэтому, предваряя анализ, необходимо подчеркнуть: диссертация как жанр – это не просто научное исследование, это научно-квалификационная работа. Ее задача – показать, насколько пишущий способен к анализу и синтезу, как умеет обобщать «старое» знание и на его базе через привлечение специально сформированного набора научных фактов и эффективное оперирование современными научными методами создавать знание новое. Рост числа субъектов научной деятельности в мире часто вызывает параллельное обращение к одной и той же проблеме или, по крайней мере, к одной и той же группе проблем. Зачастую авторы проводимых исследований вынуждены прочитывать множество работ предшественников, сосредоточивая внимание на прописанных в них общетеоретических положениях, даже если те не новы (проигнорировать их нельзя, но ведь число крупных идей не может быть тождественно количеству частных исследований). Поэтому, когда речь идет о работах, написанных исследователями-иностранными и посвященных сопоставительному анализу отдельного пласта языкового материала, необходимого к освоению для повышения эффективности межкультурной коммуникации, заслуживает одобрения уже сам факт впитывания субъектом проводимого изыскания общетеоретического знания, а не формулирование новых постулатов. В целом Ли Вэньжуй с задачей осмыслиения результатов, достигнутых предшественниками, справилась, обработав значительный пласт научных трудов. Библиография к диссертации включает 232 названия работ на бумажных носителях, в том числе 215 источников на русском языке, 14 – на китайском, 2 – на английском, 1 – на немецком. К этому добавим 40 лексикографических источников (здесь и источники языкового материала, и терминологические справочники, и толковые словари, и т.д.). Кроме того, Ли Вэньжуй привлекла к работе 13 электронных ресурсов. Понятно, что чтение научных трудов на чужом языке – задача сложная. Отсюда и некоторые шероховатости в изложении результатов осмыслиения прочитанного: можно было бы рекомендовать более тщательно соблюдать хронологический принцип подачи истории вопроса, меньше цитировать (в том числе отсылочно: зачем, например, цитировать тезисы В.Н. Телия по В.В. Красных (с. 27 дис.) или В.А. Масловой (с. 29 дис.), размышления А.Ф. Лосева и Ю.С. Степанова – по той же В.А. Масловой (с. 46 дис.)?) и больше обобщать, избегать повторных обращений к исходным «зачинам» в подразделах, далеких от начала диссертации (например, см. начало подраздела 2.4 на с. 127: «Паремиологические единицы как знаки языка и культуры изучаются в лингвокультурологическом аспекте, который берёт начало в исследованиях В.Н. Телия, Е.И. Зиновьевой, В.В. Красных, Д.Б. Гудкова, М.Л. Ковшовой и др. Основной целью лингвокультурологического анализа паремиологической единицы является выделение и описание культурно-национальных

коннотаций...»; начало подраздела 2.6 на с. 146: «Лингвокультурологическому и лингвокультурографическому исследованию русской паремиологии на фоне китайского языка посвящено сегодня достаточно много работ...»).

В большинстве случаев диссертант успешно провел анализ и систематизацию «старого знания», о чем свидетельствует наличие частных выводов, сопровождающих каждый подраздел и проясняющих позицию Ли Вэнъжуй.

Но, как кажется, Ли Вэнъжуй не вполне удалось справиться с очерчиванием четких границ провербального пространства и разграничением пословицы и поговорки. В подразделе 1.3.1. «Пословицы как разряд фразеологии: основные направления изучения паремий, языковой статус пословиц» приводится целый ряд несовпадающих позиций фразеологов и собственно паремиологов по поводу того, на какой основе можно разграничивать пословицу и поговорку. В общем верно излагая точку зрения каждого ученого, диссертант не прибегает к критике предшественников. При этом он не всегда ориентируется на сами толкования терминов, а время от времени в качестве главной опоры использует внешнюю форму термина. В таких случаях при чтении самих подразделов бывает сложно уяснить, какой позиции собирается придерживаться диссертант. Констатируя данный факт, приходится, тем не менее, признать и его небезосновательность, поскольку одной и той же номинации (*пословица, поговорка*) в частной терминосистеме приписывается нетождественный набор признаков, и ни один из них не является в ней нелогичным. Проще говоря, каждое из пониманий термина имеет право на жизнь, хотя и лишь тогда, когда употребляется в рамках своей системы понятий. Естественно, это не избавляет исследователя от необходимости обозначить свою точку зрения.

Вероятно, колебания в выборе позиции диссидентанту можно было бы избежать, если бы, признавая непротиворечивость той или иной паремиологической теории, изложить только ее, а не пытаться в рамках частного кандидатского исследования решать сразу целый букет общетеоретических задач, каждая из которых в отдельности может служить предметом дискуссий в докторских диссертациях, но не оказывают существенного влияния на ход рассуждений в частном исследовании. Иными словами, поскольку для цели оппонируемого исследования, как отмечает сама Ли Вэнъжуй, оказывается несущественным разграничение пословицы и поговорки (в выводах на с. 93 автор резюмирует: «...в настоящей работе анализу подлежат пословицы и поговорки. Различие в отношении степени обобщенности пословиц и поговорок существенного влияния на выявление культурной коннотации паремий влияния не имеют, поэтому в своей работе мы используем термин паремия (т.е. пословица+поговорка)»), не надо было уделять попытке демонстрации множественности паремиологических терминосистем сколько-нибудь значительного пространства текста.

Второй такой общетеоретический вопрос – это вопрос о соотношении филологических областей «фразеология» и «паремиология».

Во введении (с. 4) Ли Вэнъжуй указывает, что пословицы и поговорки – это фразеология, в главе 1 (с. 58), напротив, перечисляет понятия «пословица», «поговорка», «фразеологическая единица» как самостоятельные однородные (ср.: «Давно замечено, что мудрость и дух народа ярко проявляются в его устойчивых сочетаниях: пословицах, поговорках, крылатых фразах, словах, фразеологических единицах»).

Вопрос о статусе паремиологии для настоящей диссертации не является принципиальным. Конечно, это утверждение отнюдь не означает, что оппонент вообще не видит смысла в его постановке и решении. Но для достижения цели оппонируемого исследования его постановка избыточна. Стоило просто выделить ядерную и периферийную зоны в материале. Тогда можно было бы обосновать включение к сфере исследовательского внимания единиц типа *Будто кровь с молоком; Будто черти на нём горох молотили; Ворона в павлиньих перьях; Вырядился как шут гороховый (как пугало огородное)* (даные примеры взяты на с. 98, однако они не единственные). При этом было бы легче избежать противоречий в изложении. Приведу пример. На с. 39 Ли Вэнъжуй пишет: «Функцию описания внешности с помощью компонентов-фитонимов в русском языке приняли на себя не паремии, а устойчивые фразеологические сравнения: *цветёт как яблонька (вишенка); стройная как берёзка, крепок (здрав, красив) как дуб*». Несколько далее на той же странице читаем: «В китайском языке имеется ряд паремий с этим компонентом: *人要脸树要皮 Человеку нужно лицо, как дереву нужна кора; 玉树临风 Стоит как дерево нефрита (софора) на ветру* ‘о красивом и талантливом молодом человеке’». Таким образом, здесь устойчивое сравнение уже включено в состав паремий.

Вернувшись к сути диссертационного исследования Ли Вэнъжуй, имеет смысл обратиться к положениям, выносимым на защиту. Их шесть, все они сосредоточены на центральном понятии «внешность», все, как представляется, сформулированы достаточно отчетливо и все в должной мере аргументированы в ходе изложения результатов исследования.

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, обеспечивается достаточностью и разнообразием языкового материала (380 русских и 305 китайских устойчивых словесных комплексов, преобладающая часть которых может быть квалифицирована как пословицы), авторитетностью его источников (6 лексикографических изданий на русском языке, 5 – на китайском, наряду с этим привлекались материалы электронных национальных корпусов русского и китайского языков), обращением к современным методам лингвокультурологического анализа, опорой на обширную теоретическую базу, которая была сформирована в результате аналитического чтения филологических трудов как русских, так и китайских ученых.

В достоверности результатов убеждает осознанность отбора для анализа единиц, несущих в себе лингвокультурный заряд (стоит обратить внимание на то, что первоначально диссертант отобрал 610 русских и 465 китайских устойчивых словесных комплексов, а затем, проведя опрос и анкетирование русских и китайских информантов убрал то, что в лингвокультурологическом комментировании не нуждается), наличие логически непротиворечивых объяснений приводимых научных фактов, а также достаточного количества иллюстраций, сопровождающих каждое теоретическое положение.

Новизну исследования составляет, во-первых, вовлечение в сферу лингвокультурологических изысканий кластера провербального пространства, ранее не становившегося объектом целенаправленного исследования, во-вторых, рассмотрение данного кластера в сопоставлении с соответствующим кругом единиц китайской лингвокультуры, в-третьих, попытка разработки микроструктуры учебного словаря, который будет хороших подспорьем в практике аккультурации китайских обучающихся в России.

Конечно, как и любое научное исследование, диссертация Ли Вэнъжуй не лишена **дискуссионных моментов**, а как работа, созданная на чужом языке, – и некоторых недочетов **формального плана**.

К числу первых можно отнести следующие.

1. *Отсутствие определения понятия «внешность»* (при этом само слово в тексте диссертации встретилось 169 раз)

Это отсутствие вызывает вопрос: входят ли в круг материала единицы типа *Дома – щи без круп; в людях – шапка в рубль; Гол, да в шляпе, – тот же шляхта; В брюхе солома, а шапка с заломом; На брюхе шелк, а в брюхе-то щелк*. Если входят, то почему не выделен отдельный пласт единиц с компонентами – наименованиями одежды, а если не входят (кажется, что именно так думает диссертант, ведь не случайно на с. 61 дис. можно найти замечание: «В паремиологических текстах <...> упоминаются детали одежды, элементы внешнего облика человека» где одежда упомянута отдельно от внешности), какова аргументация. Именно определение значения слова *внешность* помогло бы понять логику Ли Вэнъжуй.

С другой стороны, не совсем понятно, почему в список вошли такие фразы, как *Ворона и за море летала, да вороной и вернулась; Вспомнила баба свой девичник; Давно, когда еще баба девкой была; Осина и без ветра шумит; От ворон отстала, а к павам не пристала* и некоторые другие.

Кстати, можно было бы вовлечь в сферу исследовательского внимания еще некоторые труды, касающиеся лингвистического изучения внешности, хотя они созданы и не пословичном материале: работы В.М. Богуславского, в том числе его докторскую диссертацию и « Словарь оценок внешности человека» (М., 1994), статью А. О. Долговой «Образы и эталоны в устойчивых сравнениях, характеризующих внешний вид человека (на материале русского, английского и немецкого языков)» (Czlowiek.

Świadomość. Komunikacja. Internet. L. Szypielewicz. Instytut Rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego Warszawa, 2012. – С. 490-499), диссертацию Ван Ливэн «Внешность человека как объект образной характеристики в системе устойчивых сравнений русского языка» (М., 2014), статью Л.Д. Белоусовой «Фразеологические эквиваленты, характеризующие внешность человека в русском и английском языках» (Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 06. Ч. 2) диссертацию Туран Пынар «Обозначение человека по признаку “внимание/безразличие к собственной внешности” в русском языке» (М., 2017). Конечно, дело автора исследования – определять, какие работы стоит включать в историю вопроса, а какие не являются особенно значимыми для решения поднимаемой им проблемы. Но, думается, их учет помог бы отчетливее аргументировать внесение или не внесение отдельных паремий в число исследуемых.

2. Логика расположения подчиненных структурных частей в первой главе

Подраздел 1.3 называется «Паремиологическая картина мира как часть языковой картины мира», но в него включена подчиненная структурная часть 1.3.3 «Изучение внешности человека в лингвистической литературе», которая в принципе могла бы открывать вторую главу. Зато подраздел 1.4 «Изучение пословиц в китайской лингвистике» почему-то выведен как самостоятельный подраздел.

3. Интерпретация отдельных анализируемых единиц

Работая с иностранным языком, очень сложно учесть все нюансы семантики исследуемого материала. Поэтому в диссертации встречаются спорные моменты в квалификации паремий. Приведем два примера (со словом *худой* и со словом *борода*).

Рассматривая ментальные установки традиционной русской культуры, Ли Вэнъжуй формулирует одну из них так: «Худая женщина некрасива». И формулировка, и аргументация нареканий не вызывают, но, думается, не все пословицы верно отнесены к группе выражавших ее паремий. В частности, сомнительно включение в группу единиц *Худая жена – лишняя сухота*; *Худая жена – кара господня*. Представляется, что они имеют в виду не тощую, а плохую жену, о чем свидетельствует их окружение в сборнике пословиц В. И. Даля:

Червь дерево тлит, а злая жена дом изводит.

Сварливая жена в доме пожар. Аред, да скаред, да третья ржа.

Худая жена – лишняя сухота. Худая жена – кара господня.

Согрешил я перед господом, что люди меня оженили.

Лучше хлеб есть с водою, чем жить со злую жененою.

Перед злой жененою сатана – младенец непорочный.

Характерно также противопоставление в русских паремиях *худой* жены не толстой, а хорошей, доброй: *Хорошая жена метла, и худая метла (та в дом, эта из дома метет); Худой муж в могилу – добрая жена по дворам.*

Кроме того, в разделе «Муж – жена» есть целый ряд пословиц, где фигурирует худой, т.е. плохой муж:

Нужса, нужса! нет ее хуже, а лучше худого мужа.

Стужса да нужса, а лучше худого мужа.

Плохо стужса да нужса, а все лучше худого мужа.

Худой муж умрет, добрая жена по дворам пойдет.

Худ мой Устим, да лучше с ним.

Худ мой мужилка, а завалюсь за него – не боюсь никого.

Худой муж в могилу – добрая жена по дворам.

Дискуссионна и формулировка ментальной установки культуры, сформулированной диссертантом для 14-ой тематической группы: «Борода как признак отсталости». Ее Ли Вэнъжуй иллюстрирует следующими единицами: «Борода – трава: скосить можно; Борода не в честь: она и у козла есть; Борода росла, а ума (разума) не принесла; Не за бороду – за ум (разум) жалуют; Борода с ворота (большая), а ума с прикалиток (мало); Борода с лопату (большая), а ума – кот наплакал (мало); Борода уму не замена; Борода длинна, да не к уму она; Борода с колесо, а брюхо голо; Бородой в люди не выйдешь; Бородуля не мужик; И по бороде знать, что лопатой звать; По бороде не батькой звать; Принёс свою бороду на посмешище городу (21 единица)» (с. 101 дис.).

Как можно видеть, борода здесь маркирует внешнюю взрослость и выступает неким сигналом, что человек старшего возраста ожидает уважения от окружающих. В сравнении с паремиями, которые намекают на необходимость уважать старшего и прислушиваться к нему (ср.: *Бог судит виноватого, кто обидит бородатого; Без бороды и в рай не пустят; Знают про то старшие, у кого бороды пошире*), установка культуры на самом деле изменилась. Вероятно ее можно было бы сформулировать так: Ценностью является не возраст, а ум. Тем не менее как частная логика формулировка диссертанта имеет право на существование, во всяком случае она явно просматривается в паремии *Принёс свою бороду на посмешище городу*. Заметим, кстати, что выражение *Бородуля не мужик*, также присутствующее в вышеупомянутом перечне, опирается на гендерное противопоставление. Если обратиться к Толковому словарю В. И. Даля, можно увидеть, что *бородуля* – это «бородатая баба, мужевидная женщина». Отсюда и смысл: даже если у женщины есть какие-то очевидно мужские признаки во внешности, она все равно не может быть мужчиной по сути, не может быть приравнена к нему.

Как недочеты формального плана в работе диссертанта-иностраница можно расценить неудачные соединения слов (ср. плеоназм *аксиологическая ценность* – с. 11), погрешности в выборе слова и грамматической сочетаемости элементов предложения (ср. на с. 12: «анализируются основные теоретические вопросы изучения паремий: языковой статус пословиц, структура паремий, анализ лингвокультурологического аспекта изучения паремий, определение термина пословичный бином, особенностям

рассмотрения оппозиции красота – уродство в научной литературе по паремиологии, анализу гендерной специфики пословичных выражений»); возникающие вследствие значительного различия грамматик двух языков сложности толкования китайских паремий при попытке их русскоязычной семантизации (ср.: «矮人肚里疙瘩多 У карлика в животе больше мыслей» (с. 204); «苍鬚如戟 Голубые бороды как алебарда – ‘о мужчине, имеющем мощную, величественную внешность’» (с. 205); «英雄难过美人关 Герой трудно преодолеет барьер красавицы (с. 222)»; «鹰头雀脑 Голова орла и голова воробья – ‘о человеке, имеющем уродливый облик и хитрый вид’» (с. 222). Поскольку у диссертанта не было возможности подробно анализировать каждую паремию из перечня, образующего Приложение 2, постольку читатель вынужден ориентироваться только на перевод, наличествующий в данном Приложении. Но всегда ли он точен? Возможно, что первую паремию следовало бы перевести как ‘говорится о глупом человеке, букв. даже у карлика в животе больше мыслей, чем у объекта характеристики’; во втором примере не исключено, что слово голубые просто попало в текст случайно; в третьем, видимо, речь идет о том, что герой далеко не обязательно красив внешне; в четвертом речь, вероятно, идет о несовпадении ожиданий по поводу интеллекта, спровоцированных внешностью объекта: голова орла, а мозг воробья (с. 222). Увы, все здесь перечисленное – только фантазии читателя, вызванные трудностями понимания предложенных русскоязычных толкований китайских паремий.

Как ни странно, выявленный недочет свидетельствует в пользу положительной оценки исследования, проведенного Ли Вэньжуй. Создание лингвокультурологического словаря, для которого, судя по диссертации, пока только разработана микроструктура и отобран наиболее значимый материал, потребует очень тщательной проработки толкований, серьезных совместных усилий ученых – носителей двух языков, а его появление в значительной мере повысит эффективность обучения представителей китайской лингвокультуры русскому языку как иностранному и русских – китайскому языку как иностранному.

Теоретическая значимость диссертации видится в доказательстве важности для традиционного русского сознания параметра «Внешность» как точки отсчета для психоэмоциональной и нравственной характеристики личности и взаимодействия индивида с социумом; в выявлении внутренней иерархической структуры и внешних системных связей данного параметра в комплексной оценке человека, в определении ментальных установок русской и китайской культур, определяющих аксиологическую весомость параметра «Внешность», в разработке алгоритма лингвокультурологического анализа, обеспечивающего достоверность знаний об эталонах внешности в исследуемых лингвокультурах.

Практическая ценность исследования состоит в возможности использования ее материала и результатов при преподавании будущим филологам таких общих и выборных дисциплин, как

«Лингвокультурология», «Межкультурная коммуникация», «Переводоведение», «Сравнительная фольклористика», «Общая и сравнительная фразеология», «Паремиология», «Лингвокогнитивистика», «Лингвострановедение» и т.д.

В целом анализ диссертации, выполненной Ли Вэньжуй, позволяет заключить: ее тема полностью соответствует научной специальности 10.02.01 – русский язык; полученные в ходе исследования результаты свидетельствуют о достижении поставленной диссидентом цели; основные положения исследования прошли необходимую апробацию в ходе работы аспирантских семинаров кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания СПбГУ и заседаний пяти научных, научно-практических и научно-методических конференций международного уровня, проводившихся на протяжении 2017–2019 годов, и достаточно полно отражены в восьми статьях, три из которых опубликованы в разноименных ведущих рецензируемых научных журналах, утверждённых ВАК РФ; текст автореферата соответствует содержанию диссертации.

Диссертация Ли Вэньжуй представляет собой научно-квалификационную работу, отвечающую критериям, которые установлены пп. 9-11 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а ее автор заслуживает искомой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык.

22.08.2019

Доктор филологических наук
(специальность 10.02.01 – русский язык),
профессор кафедры русского языка
федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования
«Южный федеральный университет»

Савенкова Людмила Борисовна

Адрес вуза: 344006, г. Ростов-на-Дону, пер. Университетский 93, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета.

Рабочий телефон: +7(863) 218-40-00 доб. 11596; e-mail:
savenkova@sfedu.ru; <https://sfedu.ru/person/savenkova>.

